Филипп К. Дик

Свихнувшееся время

Вкус Уаба
Филип Киндред Дик

Филип К. Дик. ВКУС УАБА

Филип К. Дик
ВКУС УАБА

Погрузка заканчивалась. Оптус стоял с мрачным лицом, скрестив руки на груди. Капитан Франко, широко ухмыляясь, лениво спустился по трапу.

— В чем дело? — спросил он. — Разве вам не заплатили за все?

Оптус молча побрел было прочь, но капитан наступил на край его одежды.

— Минутку! Я, кажется, с вами разговариваю.

— А? — Оптус с достоинством повернулся. — Я

возвращаюсь в деревню. — Он посмотрел на загружаемых в космический корабль зверей и птиц. — Нужно готовить новую охоту.

Франко закурил сигарету.

— Что вам стоит? Сходить в лес, и всего-то хлопот. А нам предстоит долгий полет…

Оптус, не говоря ни слова, удалился. Франко подошел к первому помощнику.

— Как дела? — Он взглянул на часы. — Мы заключили недурную сделку.

— Я очень занят, капитан, — помощник кинул на него неприязненный взгляд и поднялся на корабль. Франко собрался последовать за ним, как вдруг увидел это.

— Господи!

По тропе шел Петерсон с раскрасневшимся лицом и вел на поводке нечто.

— Что это?!

— Уаб, — смущенно ответил Петерсон. — Купил у аборигена за пятьдесят центов. Говорят, очень необычное животное. Очень уважаемое.

У уаба подкосились лапы, и он тяжело сел на землю. Его глаза были прикрыты, у вздымающихся боков кружились мухи, и он отгонял их хвостом.

— Уважаемое? Вот это? — Франко ткнул уаба но-

гой. — Это же свинья! Огромная грязная свинья!

— Да, сэр, свинья. Местные называют ее уабом.

— Здоровая, тварь. Весит добрых четыре сотни фунтов.

Франко ухватил рукой клок шерсти и дернул. Уаб открыл маленькие влажные глаза, его рот страдальчески скривился, по щекам покатились крупные слезы.

— Может быть, он годится в пищу, — нервно предположил Петерсон.

— Что ж, скоро узнаем, — сказал Франко.

***

После взлета капитан велел привести уаба, чтобы рассмотреть его поближе.

Уаб вздыхал и постанывал, плетясь по коридорам.

— Ну иди же! — раздраженно прикрикнул Джонс, таща его за веревку. Уаб потерся боком о гладкую хромированную стенку и ввалился в комнату.

— Боже всемогущий! — воскликнул Френч. — Что это?!

— Петерсон говорит — уаб, — сказал Джонс.

— Больной какой-то…

Уаб страдальчески закатил глаза и обвел людей

печальным взором.

— По-моему, он хочет пить, — пробормотал Петерсон и вышел. Френч покачал головой.

— Не удивительно, что мы взлетели с таким трудом… Петерсон вернулся с водой, и уаб жадно стал лакать. В дверях появился капитан Франко.

— Ну-с, посмотрим… — он приблизился и сделал недовольную гримасу. — Значит, за пятьдесят центов?

— Да, сэр, — ответил Петерсон. — Ест все, что угодно. Я кормил его зерном и картофельным пюре, и молоком, и объедками со стола. Обожает лопать. А как поест, так сразу заваливается спать.

— Ясно… — сказал капитан Франко. — Теперь относительно его вкусовых качеств. Мне кажется, нет нужды откармливать дальше. На мой взгляд, он уже достаточно жирный. Где кок? Пусть придет сюда. Я хочу выяснить…

Уаб прекратил лакать и посмотрел на капитана.

— В самом деле, капитан. Я предлагаю сменить тему разговора.

В комнате воцарилась тишина.

— Что это? — проговорил капитан. — Что это?

— Уаб, сэр, — произнес Петерсон.

Все посмотрели на уаба.

— Что он сказал? Что он сказал?

— Он предложил поговорить на другую тему.

Франко обошел необычное создание вокруг, внимательно разглядывая его со всех сторон.

— Не сидит ли там внутри абориген? — задумчиво произнес он. — Пожалуй, нам следует его вскрыть.

— О! — всхлипнул уаб. — Неужели у вас на уме одни только вскрытия да убийства?!

Франко яростно сжал кулаки:

— Выходи оттуда! Кто бы ты ни был — выходи!

Уаб махнул хвостом и неожиданно икнул.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

— Не думаю, что внутри кто-то есть, — тихо сказал Джонс. Люди переглянулись.

В помещение вошел кок.

— Звали, капитан… Что это за тварь?

— Это уаб, — сказал Френч. — Он предназначен в пищу. Надо прикинуть…

— По-моему, назрела необходимость объясниться, — перебил уаб. — Вероятно, нам следует поговорить, капитан. Я вижу, что мы с вами расходимся во взглядах на некоторые основополагающие вопросы.

Капитан долго не отвечал. Уаб благодушно

ждал, облизываясь.

— Прошу ко мне в каюту, — наконец промолвил капитан. Он повернулся и вышел из комнаты; уаб поднялся и прошлепал за ним. Члены экипажа ошалело смотрели им вслед.

— Интересно, чем это кончится, — сказал кок. — Ну ладно, я буду на камбузе. Дайте мне знать.

— Разумеется, — отозвался Джонс. — Разумеется.

***

Уаб со вздохом уселся в углу.

— Вы должны простить меня. Боюсь, что я излишне склонен к комфорту. С таким большим телом…

Капитан нетерпеливо кивнул, сел за стол и сложил руки на груди.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте начнем. Итак, вы — уаб, не так ли?

Уаб повел плечами.

— Наверное. По крайней мере так нас называют аборигены.

— И вы говорите по-английски? Вы и прежде общались с землянами?

— Нет.

— Тогда каким образом…

— …я говорю по-английски? Нельзя сказать, что я отдаю себе в этом отчет. Я изучил ваш мозг…

— Мой мозг?

— Его содержимое, особенно семантический склад, если позволите так выразиться…

— Понимаю, — пробормотал капитан. — Телепатия. Конечно.

— Наш народ очень древний. Очень древний и очень тяжеловесный. Нам трудно передвигаться. Вы, очевидно, понимаете, что существа столь медлительные и неповоротливые полностью находятся во власти более проворных и решительных. У нас нет никаких средств защиты. Слишком неуклюжие для бега, слишком пассивные для драки, слишком добродушные, чтобы охотиться на других…

— Что вы едите?

— Растения. Овощи. Мы очень терпимы, очень благожелательны. Живем и даем жить другим… Именно поэтому я в самой категорической форме возражал против того, чтобы меня использовали в пищу. Я видел в вашей голове образ — часть моего тела в холодильнике, немножко в кастрюле, кусочек для вашей любимой кошки…

— Итак, вы читаете мысли? — сказал капитан. — Любопытно. Что еще вы способны делать?

— Всякие пустяки, — рассеянно ответил уаб, оглядывая каюту. — А у вас здесь мило. Я вижу, вы любите чистоту. Я уважаю опрятность, как черту характера. Некоторые марсианские птицы весьма опрятны. Выбрасывают мусор из гнезда и убирают…

— Да-да, — капитан кивнул. — Однако вернемся к теме.

— Совершенно верно. Вы упоминали, что собираетесь меня съесть. На вкус, я слыхал, мы очень хороши. Немного жирноваты, однако мясо нежное. Но как установить прочную связь между нашими народами, если мы опустимся до таких варварских отношений? Съесть меня? Я бы предпочел обсуждать с вами серьезные вопросы, философию, искусство…

Капитан встал.

— Философия… Вам было бы небезынтересно узнать, что у нас возникли трудности с продуктами. Неожиданная порча…

— Знаю. Но разве не скорее в духе вашей демократии, если мы станем по очереди тянуть соломинки? Или что-нибудь в этом роде? В конце концов демократия призвана защищать меньшинство. Исходя из предположения, что каждый обладает правом голоса…

Капитан подошел к двери.

— Ну, все! — сказал он и отворил дверь. Потом открыл рот. И так и застыл с широко раскрытым ртом, сжимая пальцами ручку двери.

Уаб протиснулся в дверь мимо капитана и вперевалку побрел по коридору, углубившись в размышления.

***

В комнате стояла тишина.

— Как видите, — говорил уаб, — многие элементы легенд и мифов являются для нас общими. Иштар, Одиссей…

Петерсон молча сидел на стуле и глядел в пол.

— Продолжай, — попросил он. — Пожалуйста, продолжай.

— Я нахожу в вашем Одиссее типаж, общий для многих народов. В моем понимании Одиссей как таковой символизирует идею разлуки с семьей и отчизной. Процесс индивидуализации, обособления.

— Но Одиссей возвращается домой. — Петерсон взглянул в иллюминатор на бесчисленные звезды. — В конце концов он возвращается домой.

— Это долг всех разумных существ. Период разлуки есть период временный, краткое путеше-

ствие духа. Странник возвращается на родину…

Распахнулась дверь. Уаб замолчал и повернул голову.

В комнату ступил капитан Франко, за ним другие.

— С тобой все в порядке? — спросил Френч.

— Со мной? — удивленно переспросил Петерсон. Франко достал пистолет.

— Иди сюда, — велел он Петерсону. — Встань и иди сюда.

Наступила тишина.

— Идите, — сказал уаб. — Это не имеет значения.

Петерсон поднялся.

— Я приказываю.

Петерсон подошел к двери, и Френч схватил его за руку.

— Что происходит? Что с вами? — Петерсон со злостью вырвался. Франко приблизился к уабу. Тот лежал в углу, прижавшись к стене, и глядел на капитана.

— Поразительно, — сказал уаб. — Вы просто одержимы идеей меня съесть. Не могу понять, почему.

— Вставай! — велел Франко.

— Как хотите, — уаб, покряхтывая, поднялся. —

Имейте терпение. Мне трудно.

Его бока судорожно вздымались, язык высунулся.

— Стреляй, — сказал Френч.

— Ради бога! — воскликнул Петерсон. К нему резко повернулся Джонс, в глазах которого светился страх.

— Ты не видел капитана — застыл как статуя, с раскрытым ртом. Если б мы его не нашли, он бы так и стоял!

— Вы боитесь, да? — промолвил уаб. — Разве я сделал вам что-нибудь плохое? Мне претит идея насилия. Я всего лишь пытался защитить себя. Не думаете ли вы, что я с радостью помчусь навстречу своей смерти? Я разумное существо. Мне хотелось посмотреть ваш корабль, познакомиться с вами. Я предложил аборигену…

Пистолет дернулся.

— Видите, — сказал Франко. — Так я и думал.

Уаб присел, тяжело переводя дыхание.

— Здесь жарко. Полагаю, мы находимся недалеко от двигателей. Атомная энергия. Вы многого достигли — в техническом отношении. Очевидно, уровень развития науки не соответствует вашим моральным, этическим…

Франко повернулся к членам экипажа, молча

сгрудившимся сзади.

— Я это сделаю. Можете убедиться.

Френч кивнул.

— Целься в голову. Она все равно не годится в пищу. Не стреляй в грудь. Если разлетится грудная клетка, придется потом выковыривать кости.

— Послушайте, — облизав пересохшие губы, выдавил Петерсон. — Ну чем он вам помешал? Я спрашиваю вас!.. В конце концов он принадлежит мне. Вы не имеете права его убивать.

Франко поднял пистолет.

— Я ухожу, — пробормотал Джонс. Его лицо побелело и покрылось испариной. — Не могу смотреть на это.

— Я тоже, — произнес Френч. Они вывалились за дверь. Петерсон остановился на пороге.

— Мы говорили с ним о мифах. Он никому не причинит зла…

Петерсон ушел.

Франко надвигался на уаба. Тот медленно поднял голову, сглотнул.

— Очень глупо, — проговорил он. — Мне жаль, что вы решились… Вы можете смотреть мне в глаза? Вы способны на это?

— Я могу смотреть тебе в глаза, — сказал ка-

питан. — У нас на ферме были боровы, грязные жирные боровы… Да, я способен на это.

Глядя в сияющие влажные глаза уаба, он нажал на курок.

***

Вкус был превосходный.

Они удрученно сидели за столом, едва прикоснувшись к пище. Единственным, кто, казалось, получает удовольствие, был капитан Франко.

— Добавки? — предложил он, обводя членов экипажа взглядом. — Может быть, немного вина?

— Спасибо, — произнес Френч. — Пожалуй, я вернусь в штурманскую.

— Я тоже, — Джонс встал, с грохотом отодвинул стул. — Увидимся позже.

Капитан проводил их взглядом. Еще несколько человек извинились и вышли из-за стола.

— Что это они? — спросил капитан у Петерсона. Тот смотрел в свою тарелку — на картошку, на зеленый горошек, на толстый кусок нежного теплого мяса.

Он открыл рот, но не издал не звука.

Капитан опустил руку ему на плечо.

— Теперь это всего лишь органическое соедине-

ние, — Франко с наслаждением пожевал. — Лично я люблю поесть. Это одно из немногих простых удовольствий, доступных живым существам. Еда, отдых, размышления, приятная беседа.

Петерсон кивнул. Еще двое вышли из-за стола. Капитан глотнул воды и вздохнул.

— Что ж, должен признать, обед восхитительный. Дошедшие до меня слухи оказались верны — насчет вкуса уаба. Превосходно.

Он промокнул губы платком и откинулся на спинку стула.

Петерсон мрачно смотрел вниз.

Капитан наклонился вперед.

— Ну ладно, ладно. Взбодрись! Давай лучше побеседуем.

Он улыбнулся.

— Когда нас прервали, я говорил о роли Одиссея в мифах…

Петерсон резко поднял голову.

— Так вот, — продолжал капитан. — Одиссей, как я его понимаю…